

УДК 821.161.1

**«ДНО» ГОРЬКОГО И «ДНО» ГИЛЯРОВСКОГО:
ПОРТРЕТ И ОРИГИНАЛ****Г. К. Ольховой**Московский городской педагогический университет
кафедра русской литературы

Максим Горький в своей пьесе «На дне» описал жизнь низших слоев общества, обратил на них всеобщее внимание. Но за несколько десятилетий до него немало о трущобах и их обитателях в своих произведениях рассказал Владимир Гиляровский. Оба автора, хотя и писали с натуры, однако делали это совершенно по-разному. В статье подробно анализируется, кто из двух писателей четче описал это социальное явление и глубже понял причины возникновения «дна» и живущих там. Гиляровский фактически создал летопись того времени. Горький же написал «гимн человеку», философскую притчу про жизнь босяков.

Ключевые слова: *Максим Горький, Владимир Гиляровский, трущобы, документалистика.*

Владимир Гиляровский и Максим Горький – оба были писателями из народа, которых интересовали проблемы обычных людей, их жизнь, тяготы, страдания, мысли. Поэтому тема обитателей «дна» не могла оставить их равнодушными и нашла отражение в их творчестве.

Когда Гиляровский, проработавший всю жизнь репортером, начал писать свои книги-воспоминания о московских реалиях, он засомневался, будут ли кому-то интересны его впечатления о прошлых событиях, но его ученик и друг Николай Морозов сказал ему: «Кроме вас о Москве писать некому... Это ваш долг писать о Москве, это ваша тема, ваша ноша». Он утверждал, что читатели скажут Гиляровскому спасибо за то, что тот описал «тяжелые картины босяцкого и бедняцкого быта, опустил к ним на дно, хотел им помочь» [13].

Горький тоже прекрасно знал жизнь и быт босяков: в Нижнем Новгороде он любил заходить в ночлежный дом купца Бугрова, беседовал с его обитателями, писал за неграмотных письма. Он не раз отмечал, что пьеса «На дне» явилась итогом его почти двадцатилетних наблюдений за миром «бывших людей», к числу которых он относил не только странников, обитателей ночлежек, но и часть интеллигенции – «размагниченных», разочарованных, оскорбленных и униженных неудачами в жизни [7, т. 23, с. 327].

Однако оба автора по-разному описывают «дно», характеризуют его жителей, анализируют причины возникновения этого явления.

Кто из них оказался более точным в изображении этого «дна»? А кто смог четче понять живущих там людей?

Прежде всего, писатели ставили перед собой разные задачи. Гиляровский начал писать книги для того, «чтобы знали жители новой столицы, какова была старая Москва, как и какие люди бытовали в ней» [4, т. 3, с. 12]. «Не всякий поверит, что в центре столицы, рядом с блестящей роскошью миллионных домов, есть такие

трущобы, от одного воздуха и обстановки которых люди, посещавшие их, падали в обморок», – отмечал он [Там же, т. 1, с. 88]. Писатель хотел показать тяжелую жизнь бездомных, бедняков и простых рабочих. Гиляровский стремился как можно натуралистичнее описать трагическую безысходность их нищенского существования. Горький же ставил целью не подробно запечатлеть происходившее «на дне», а вскрыть это самое «дно», поставить ему диагноз.

Об истории создания пьесы «На дне» сохранились такие воспоминания Максима Горького: «Конец восьмидесятых и начало девяностых годов можно назвать годами оправдания бессилия и утешения обреченных на гибель. Литература выбрала героем своим “не-героя” <...> Лозунг времени был оформлен такими словами: “Наше время – не время великих задач” – “не-герои” красноречиво доказывали друг другу правильность этого лозунга и утешались стихами: “Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат! / Кто б ты ни был – не падай душой! / Верь: настанет пора, и погибнет Ваал!» [7, т. 26, с. 424].

Если Гиляровский описывал настоящее, то Горький, скорее, пытался заглянуть в будущее, понять, что случится с его героями дальше. Гиляровского часто называют предшественником Горького, потому что писать своих «бывших людей» он начал еще в 1883 году [9].

В. А. Гиляровский считал, что люди попадали в трущобы не в силу собственной пассивности, а оттого, что они «не уживались с условиями жизни». Он не романтизировал жизнь босяков, а доказывал, что «трущоба – место не излюбленное, но неизбежное, в котором и есть крайняя степень безвозвратного падения» [15, с. 349]. При этом он хотел обратить внимание также на то, что даже на «дне» эти люди не утрачивают своих человеческих качеств. С душевной болью писал Гиляровский о трагических судьбах обитателей ночлежек, жителей Хитрова рынка.

Герои Гиляровского – личности сильные, крепкие, однако оказались «на дне» и вынуждены испытать тяготы и лишения. Сам он давал им такую характеристику: «Все обитатели трущобы могли бы быть честными, хорошими людьми, если бы сотни обстоятельств, начиная с неумелого воспитания и кончая случайностями и некоторыми условиями общественной жизни, не вогнали их в трущобу» [4, т. 1, с. 80].

Горький также пытался показать читателям сильные стороны героев ночлежки, их желание вырваться из этой жизни на самом «дне»: Васька Пепел у него мечтал о правильной жизни, Клещ надеялся опять начать трудиться, Актер постоянно говорил о своей минувшей славе, а Настя хотела найти настоящую и чистую любовь. Однако писатель указывал на бессилие этих героев, их неспособность изменить ситуацию.

Многие обвиняли пьесу «На дне» в несоответствии действительности, а также в различных неточностях. А. П. Чехов говорил о ней: «Да ведь это же все выдуманно» [9]. Л. Н. Толстой также указывал на некую ее нереальность, однако признавал, что именно Горький обратил на этих людей всеобщее внимание: «Мы все знаем, что босяки – люди и братья, но знаем это теоретически; он же показал нам их во весь рост, любя их, и заразил нас этой любовью. Разговоры их неверны, преувеличенны, но мы все прощаем за то, что он расширил нашу любовь» [16, т. 54, с. 98].

Однако критик Павел Басинский отмечает, что пьеса «На дне» должна была вышибать читателя с орбиты вращения среди привычных ему «правд» и ценностей и ввергать его в хаос тех вопросов, которыми неразрешимо мучился сам автор: «зачем человек?», «отчего он страдает?», «почему Тот, Кто его создал, так безжалостен к нему, и как человеку ответить на этот вызов Отца, чтобы сохранить свое благо-

родство?» Так Басинский объяснял ряд нестыковок в тексте с реальной жизнью. Пример тому – ситуация с городовым Медведевым. Отставной солдат, нанявшийся в городские, хотя и мог оставаться «своим братом» среди обитателей ночлежки, людей социально опустившихся, но участвовать в их проделках едва ли мог [2, с. 134].

Горький не обращал внимания на такие детали, он не придерживался правдоподобности, его интересовал конфликт в целом, то, что происходит с обществом, как живут эти люди «дна», о чем они думают, почему они оказались в таком положении, смогут ли они его исправить. Бытовой материал пьесы не имел для писателя решающего значения. Он перевел ее обнаженный бытовой план в остросоциальный [10, с. 283].

Поэт И. Ф. Анненский подчеркивал, что произведения Горького – это, скорее, идейные эскизы, связанные настоятельностью проблемы, чем искусно скомпонованные истории человеческих сердец [1, с. 73]. Горький, однако, утверждал, что у его героев были «двойники» из реальной жизни. «Коноваловых я встречал и в среде интеллигентов. Когда я писал Бубнова, я видел перед собой не только знакомого “босняка”, но и одного из интеллигентов, моего учителя. Сатин – дворянин, почтовотелеграфный чиновник, отбыл четыре года тюрьмы за убийство, алкоголик и скандалист, тоже имел “двойника” – это был брат одного из крупных революционеров, который кончил самоубийством, сидя в тюрьме. Побывав в толстовских колониях – в Тверской и Симбирской, – я и почувствовал в них нечто общее с “ночлежкой” Кувалды», – писал Горький [7, т. 26, с. 423–424].

Гиляровский же, будучи по своей природе прежде всего журналистом, стремился документально отразить действительность. Никакого додумывания он не допускал. Писатель уверял: «Мне тогда преступлением казалось что-нибудь приукрасить, заставить человека говорить такие слова, каких я от него не слыхал, мне хотелось передать правду, голую, неприкрашенную правду» [12, с. 155]. Благодаря своей репортерской деятельности он был свидетелем многих событий, общался с бесчисленным количеством людей из разных слоев общества, писал обо всем, что видел и исследовал. «Столько видеть и не писать – нельзя», – как-то сказала Гиляровскому его друг, актриса М. Н. Ермолова [4, т. 1, с. 7].

Гиляровский сменил множество видов деятельности: бурлак, табунщик, актер, пожарный, спортсмен, поэт и репортер, который стал в итоге бытописателем Москвы. И весь жизненный опыт автор привносил в свою творческую деятельность. Например, в молодости он устроился на смертельно опасное производство – в цех по изготовлению свинцовых белил, работники которого редко могли прожить больше года-двух. Позднее он подробно описал суровую картину мрачного быта и жесткой эксплуатации этих рабочих в очерке «Обреченные». Гиляровский считал его самым первым своим прозаическим произведением, с которого и началась его литературная жизнь [8]. Со знанием дела он описывал и труппы, которые часто посещал и уже считался там практически «своим человеком». Первая книга Гиляровского «Труппы» так и подписана – «Этюды с натуры».

Если сравнивать описания трупп у Горького и у Гиляровского, то стоит отметить, что изображены они очень похоже – с суровой реалистичностью, знанием быта живущих в них людей. В 1902 г. Гиляровский даже приводил на Хитровку театральных режиссеров Станиславского и Немировича-Данченко, ставивших пьесу Горького, чтобы показать им то самое «дно» общества. После того, как в 1923 г. Хитровка была ликвидирована, Гиляровский написал в «Известиях», что ее облик остался только на сцене Художественного театра, в декорациях к третьему акту пьесы «На дне» [5].

Описанная Горьким ночлежка – это еще одно действующее лицо пьесы, помогающее понять суть конфликта. Он недаром сравнил «дно» с пещерой, его герои действительно обречены на пещерное существование, они живут как первобытные люди: «Подвал, похожий на пещеру. Потолок – тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой... Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату – нары Бубнова. В левом углу – большая русская печь, в левой, каменной, стене – дверь в кухню, где живут Квашня, Барон, Настя. Между печью и дверью у стены – широкая кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам – нары... Посредине ночлежки – большой стол, две скамьи, табурет, все – некрашеное и грязное» [7, т. 6, с. 105].

А вот таким было «дно» Гиляровского – практически репортаж с Хитровки: «Двух- и трехэтажные дома вокруг площади все полны такими ночлежками, в которых ночевало и ютилось до десяти тысяч человек. Эти дома приносили огромный барыш домовладельцам. Каждый ночлежник платил пятак за ночь, а “номера” ходили по двугривенному. Под нижними нарами, поднятыми на аршин от пола, были логовища на двоих; они разделялись повешенной рогожей. Пространство в аршин высоты и полтора аршина ширины между двумя рогожами и есть “номер”, где люди ночевали без всякой подстилки, кроме собственных отрепьев» [4, т. 3, с. 24].

Если Горький сравнивал ночлежку с пещерой, то Гиляровский видел в ней, скорее, сходство с шабашем. «Видимое мной не похоже на жилище людей, шумно празднующих какое-нибудь торжество... Нет, это не то... Может быть, читатели, вы слышали от старых нянек сказку о Лысой горе, куда слетаются ведьмы, оборотни, нечеловечья, совы, упыри, черти всех возрастов и состояний справлять адский карнавал? Что-то напоминающее этот сказочный карнавал я и увидел здесь [Там же, т. 1, с. 89].

Гиляровский создал свойственный репортажу эффект присутствия, читатель будто за руку вместе с ним ходил по Хитровке, заглядывая то в «Утюг», то в «Каторгу». Многие его рассказы написаны от первого лица. Он подробно описал каждый трактир, рассказал, где какая публика жила, чем промышляла.

Гиляровский изучил эти трущобы и, по сути, создал летопись Хитровки, расписав все ее устройство: «Дома, где помещались ночлежки, назывались по фамилии владельцев: Бунина, Румянцева, Степанова (потом Ярошенко) и Ромейко (потом Кулакова). В доме Румянцева были два трактира – “Пересыльный” и “Сибирь”, а в доме Ярошенко – “Каторга”. Названия, конечно, негласные, но у хитрованцев они были приняты. В “Пересыльном” собирались бездомники, нищие и барышники, в “Сибири” – степенью выше – воры, карманники и крупные скупщики краденого, а выше всех была “Каторга” – притон буйного и пьяного разврата, биржа воров и беглых. “Обратник”, вернувшийся из Сибири или тюрьмы, не миновал этого места. Прибывший, если он действительно “деловой”, встречался здесь с почетом. Его тотчас же “ставили на работу”» [Там же, т. 3, с. 24–25].

Рассказы Гиляровского – клад для социологов и филологов в изучении того исторического периода. Эти рассказы можно использовать в качестве документального пособия, по которому легко восстановить жизнь определенного времени. В них подробно описан быт героев «дна»: где они спали, что ели, чем занимались. В 1986 г. даже был снят телефильм «Репортаж из прошлого. По воспоминаниям Владимира Гиляровского» о жизни России на рубеже XIX–XX вв., который практически показательно воспроизвел описанное им. Писателя в нем сыграл актер Олег Табаков.

Горькому такая документальная четкость в описаниях трущоб была не свойственна. Критик В. М. Дорошевич и вовсе отмечал, что тот «одевал своих босяков

в плащи, надевал им шпаги и убирал им шляпы разноцветными перьями, серую жизнь превращал в пестрого арлекина» [9]. Горький рассказывал, как на одной из репетиций читал «На дне» «настоящим Барону и Насте»: «Плакали в ночлежке, кричали: “Мы хуже, хуже!” <...> Целовали, обнимали...» [14, с. 187].

Если произведения Гиляровского – это практически точное отражение того времени, где раскрываются социальные условия, породившие «дно», то произведения Горького – это синтез жизненных наблюдений и философских исканий писателя.

Горького провозгласили создателем «гимна человеку». Герой «дна» Сатин рассуждал о том, что такое человек, в чем его предназначение и суть: «Человек может верить и не верить... это его дело! Человек – свободен... он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум – человек за все платит сам, и потому он – свободен!.. Человек – вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! (Очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека.) Понимаешь? Это – огромно! В этом – все начала и концы... Всё – в человеке, всё для человека! Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга! Чело-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!» [7, т. 6, с. 169–170]. Этот монолог – попытка Горького заставить «человека» встать с колен, перестать мириться с существующим порядком вещей и начать бороться за лучшую жизнь. Это гимн тому, что должно настать время нового героя – сильного человека, которого будут уважать.

Однако и у Гиляровского можно найти своеобразный «гимн человеку». При этом он взывал не к людям «дна», а к системе, породившей это «дно», к власти, пытался пробудить в ней человеческое, напомнить, что люди не должны умирать хуже собаки. «А кому нужен этот бродяга по смерти? Кому нужно знать, как его зовут, если при жизни-то его, безродного, бесприютного, никто и за человека с его волчьим паспортом не считал... Никто и не вспомнит его! Разве когда будут копать на его могиле новую могилу для какого-нибудь усмотренного полицией “неизвестно кому принадлежащего трупа” – могильщик, закопавший не одну сотню этих безвестных трупов, скажет: “Человек вот был тоже, а умер хуже собаки!”... Хуже собаки!..», – писал он в рассказе «Человек и собака» [4, т. 1, с. 22].

Стоит отметить, что после пьесы «На дне» Горького провозгласили создателем новейшей драмы [1, с. 57]. Гиляровского при этом окрестили беллетристом, писателем второго ряда. В Гиляровском всегда оставался репортер, а Горький, наоборот, был писателем, склонным к анализу, философствованию, поиску новых жанровых форм и повествований. Критик П. В. Басинский приходит к выводу, что пьеса «На дне» из бытовой драмы превратилась в полигон идей, где Горький выступил переодетым Лукой. «Все спорят со всеми, и выражения всех, в том числе и самые обычные, бытовые (Бубнов: “А ниточки-то гнилые”), вдруг обретают философский смысл», – указывает он [2, с. 201]. Л. Н. Толстой же увидел в этом произведении не сострадание к падшим, а манифест новой этики, которая отрицала сострадание, как «карету прошлого», в которой «далеко не уедешь» [Там же, с. 214].

Произведения Гиляровского сложно отнести к какому-либо конкретному жанру. В. М. Дорошевич охарактеризовал его рассказы как анатомический театр, где все время вскрываются трагедии: как люди превращаются в «бывших людей», как «бывшие люди» превращаются в «трупы замерзших» [9]. Многие критики и писатели не признают в Гиляровском беллетриста. Так, А. П. Чехов отмечал, что Гиляровский выбивался из литературных рамок того времени: «Знаешь, Гиляй, пробовал

я тебя описывать, да ничего не выходит. Не укладываешься ты, все рамки ломаешь. Тебе бы родиться триста лет назад или, может быть, лет сто вперед. Не нашего ты века» [4, т. 3, с. 425]. Писатель Дмитрий Быков и вовсе утверждает, что Гиляровский вывел русскую прозу «на совершенно новую дорогу, куда-то в нон-фикшн, в синтез журналистики и беллетристики, в пространство, которое толком осваивается только теперь» [3]. И действительно, его произведениям свойственно документально точное изображение реальных событий и персонажей, что и характеризует произведения в жанре нон-фикшн. Толстой высказал однажды такую мысль: «Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совестно сочинять про какого-нибудь вымышленного Ивана Ивановича или Марью Петровну. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни» [6, с. 181].

Сейчас в отечественной литературе наблюдается резкое увеличение числа документальных произведений. Нобелевский лауреат 2015 г. в области литературы, белорусская писательница Светлана Алексиевич получила премию именно за произведение в жанре нон-фикшн. В одном из своих интервью она заметила, что документалистика – это будущее литературы, так как «сама жизнь становится спектаклем» (по сообщению ТАСС).

Все это только подчеркивает возрастающую актуальность произведений Гиляровского. Писатель Варлам Шаламов отмечал, что «новая проза – это неопровержимое свидетельство существующего» [17, с. 116]. Вот так и произведения Гиляровского остались неопровержимым свидетельством тех времен.

В заключение стоит отметить, что Горький старался разглядеть, что будет с обществом «бывших людей» дальше, а Гиляровский четко показывал, что происходило с ним в этот самый момент. Горький при этом не пытался вызвать у читателя сострадание к своим героям. Наоборот, он хотел противопоставить состраданию истину и выяснить, что человеку нужнее, что поможет ему выкарабкаться из этого «дна». Гиляровский же пронзительно, до жалости, описывал «бывших людей», но при этом не критиковал их, а обличал систему, при которой такое стало возможным. Он искренне сожалел и удивлялся тому, что люди умирали хуже безродных псов.

Несмотря на то, что пьеса Горького обрела широкую популярность, а ее действующие лица были возведены в ранг героев времени, сам писатель очень переживал, что ее смысл не поняли и трактовали не так, как он задумывал. В одном из своих интервью он признал неудачу пьесы, поскольку Лука, вопреки задумке автора, был воспринят обществом как герой положительный: «В ней нет противостояния тому, что говорит Лука. Основной вопрос, который я хотел поставить, это – что лучше: истина или сострадание? Что нужнее? Нужно ли доводить сострадание до того, чтобы пользоваться ложью, как Лука? Это вопрос не субъективный, а общеприимный философский. Лука – представитель сострадания и даже лжи как средства спасения, а между тем противостояния проповеди Луки представителей истины в пьесе нет. Клещ, Барон, Пепел – это факты жизни, а надо различать факты от истины. Это далеко не одно и то же» [2, с. 157].

Стоит также обратить внимание и на жанровые особенности произведений двух этих авторов. Пьеса Горького стала синтезом его жизненных наблюдений и философских исканий. А очерки Гиляровского – это точные, документальные описания быта и времени, что свойственно жанру невымышленной литературы, или нон-фикшн. Точнее всего эту разницу прочувствовал и описал критик Влас Дорошевич: «Когда я уходил с пьесы “На дне”, в душе моей звучал гимн человеку. Когда я уходил с действительного “дна”, в душе моей совершалась панихида по умершем

“человеке”. То был портрет. Это был оригинал. То – “дно” Горького. Это – “дно” Гиляровского» [9]. И действительно, Гиляровский навсегда останется летописцем того времени, а Горький – создателем «гимна человеку», художником, пытавшимся отделить «истину» от «правды».

Список литературы

1. Анненский И. Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. 679 с.
2. Басинский П. В. Горький. М.: Молодая гвардия, 2005. 451 с.
3. Быков Д. Л. Владимир Гиляровский // Дилетант. 2014. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/BykovDmitriyLvovich/posts/826398377404323>. (Дата обращения 15.10.2015.)
4. Гиляровский В. А. Избранное: в 3 т. М.: Московский рабочий, 1961.
5. Гиляровский В. А. На дне // Известия. 1923. № 192.
6. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М.: Гослитиздат, 1959. 487 с.
7. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1949–1955.
8. Гура В. В. Жизнь и книги дяди Гиляя. Вологда: Вологодское кн. изд-во. 1959. 55 с. [Электронный ресурс] // Вологодская обл. унив. научная биб-ка. URL: <http://www.booksite.ru/guilyai/fulltext/gur/avi/ktor/index.htm>. (Дата обращения: 03.10.2015.)
9. Дорошевич В. М. Гиляровский В. А. [Электронный ресурс] // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/doroshevich/doroshevich_gilarovskiy.html. (Дата обращения: 16.10.2015.)
10. Касторский С. В., Балухатый С. Д. Творчество Горького 90-х годов // История русской литературы: в 10 т. Т. 10: Литература 1890–1917 годов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 225–287.
11. Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн / *non-fiction*: экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М.: Совпадение, 2007. 327 с.
12. Митрофанов А. Г. Гиляровский. М.: Молодая гвардия, 2008. 307 с.
13. Морозов Н. И. Сорок лет с Гиляровским [Электронный ресурс] // Вологодская обл. унив. научная биб-ка. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/40y/ear/1.htm>. (Дата обращения: 03.10.2015.)
14. Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер: в 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 2004. 489 с.
15. Телятник М. А. Гиляровский Владимир Алексеевич // Русские писатели. XX век: библиографический словарь. Т. 1: А–Л. М.: Просвещение, 1998. С. 348–350.
16. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1928–1958.
17. Шаламов В. Т. Четвертая Вологда // Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Худож. лит.: ВАГРИУС, 1998. 493 с.

THE LOWER DEPTHS BY MAXIM GORKY AND VLADIMIR GILJAROVSKY: THE PORTRAIT AND ITS ORIGINAL

G. K. Olkhovoy

Moscow City Teacher Training University
the Chair of Russian Literature

In his play “The Lower Depths” Maxim Gorky described the life of the underclass, drawing general attention to them. However a few decades before that Vladimir Gil-

jarovsky wrote about slum-dwellers in his works. Despite the fact that both authors derived their materials from life, they did it in very different ways. The article analyzes who of them truly described this social phenomenon, and who better understood its causes. Mr. Giljarovsky actually created a chronicle of that time. Mr. Gorky wrote “a hymn to a man”, a philosophical parable about the life of tramps.

Keywords: *Maxim Gorky, Vladimir Gilyarovsky, slum, documentary.*

Об авторе:

ОЛЬХОВОЙ Глеб Константинович – аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета (129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4-1), e-mail: gleb.olkhovoy@gmail.com.

About the author:

OLKHOVOY Gleb Konstantinovich – Postgraduate Student at the Chair of Russian Literature of the Moscow City Pedagogical University (129226, Moscow, 2 Selskokozyaystvenny lane, 4-1), e-mail: gleb.olkhovoy@gmail.com.